

Декартелизация экономики: действующая модель, альтернативные и комбинированные подходы¹

Заварухин В.П.,

Институт проблем развития
науки РАН,
117218, Россия, г. Москва,
Нахимовский пр-т, д. 32

Лисицын-Светланов А.Г.,

Институт государства и права
РАН,
119019, Россия, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

Максимов С.В. *,

Институт проблем развития
науки РАН,
Федеральная антимонопольная
служба,
117218, Россия, г. Москва,
Нахимовский пр-т, д. 32,
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 11

Аннотация

В статье рассмотрены понятие, предыстория и современная практика картелизации российской экономики. Выделены ключевые факторы роста картелизации, сформулированы основные подходы к модернизации современной государственной политики по декартелизации российской экономики.

Интенсивный многоуровневый контроль за торгами со стороны антимонопольных органов, Федерального казначейства, Счетной палаты России и ведомств-заказчиков позволил не только выявить масштабную практику искусственного регулирования цен на торгах с использованием картельных схем, но и обнаружить признаки системы организованных злоупотреблений в сфере публичных закупок, среди которых картель не является наиболее опасным преступлением.

В настоящее время вопросы допустимости соглашений хозяйствующих субъектов в основных сферах рыночных отношений должны решаться в контексте задач перехода к инновационной цифровой экономике, преодоления общего экономического кризиса, усиленного пандемией коронавируса COVID-19, соблюдения баланса между транснациональными экономическими связями и протекционизмом национальных юрисдикций.

Наиболее перспективным направлением формирования общих подходов к противодействию картелизации цифровой экономики следует признать инициирование разработки в рамках UNCITRAL (Комиссии ООН по праву международной торговли) типового закона соответствующего содержания, который относится к форме «мягкого права», а также аналогичного модельного закона ЕАЭС.

Ключевые слова: конкуренция, картели на торгах, декартелизация, протекционизм, типового закон UNCITRAL.

Для цитирования: Заварухин В.П., Лисицын-Светланов А.Г., Максимов С.В. Декартелизация экономики: действующая модель, альтернативные и комбинированные подходы // Российское конкурентное право и экономика. 2020. № 4 (24). С. 6–13.
<https://doi.org/10.47361/2542-0259-2020-4-24-6-13>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-010-00773).

Decartelization of the Economy: Working Model, Alternative and Combined Approaches²

Vladimir P. Zavarukhin,

Institute for the Study of Science
RAS,
Nakhimovsky av., 32,
Moscow, 117218, Russia

**Andrey G. Lisitsyn-
Svetlanov,**

Institute of State and Law RAS,
str. Znamenka, 10,
Moscow, 119019, Russia

Sergey V. Maksimov*,

Institute for the Study of Science
RAS,
Federal Antimonopoly Service,
Nakhimovsky av., 32,
Moscow, 117218, Russia,
Sadovaya-Kudrinskaya str., 11,
Moscow, 125993, Russia

Abstract

The article examines the concept, prehistory and modern practice of cartelization of the Russian economy. The key factors of the growth of cartelization are highlighted, the main approaches to modernization of the modern state policy on decartelization of the Russian economy are formulated.

The intensive control over tenders by the antimonopoly bodies, Federal Treasury, Accounting Chamber and Government customers made it possible not only to reveal a large-scale practice of artificial bidding prices regulation using cartel schemes but also to reveal signs of a system of organized abuse in the field of public procurement, among which the cartel is not the most dangerous crime.

Currently, the decisions on admissibility of business entities agreements in main areas of market relations should be taken in terms of facilitating the transition to an innovative digital economy, overcoming the general economic crisis, reinforced by the COVID-19 coronavirus pandemic, as well as of maintaining a balance between transnational economic relations and protectionism of national jurisdictions.

The most promising direction for the formation of common approaches to countering cartelization of digital economy might be an initiation of the development within the framework of UNCITRAL (UN Commission on International Trade Law) of a model law of the appropriate content, which refers to the form of "soft law", as well as of similar EAEU model law.

Keywords: *competition, bidding cartels, decartelization, protectionism, UNCITRAL model law.*

For citation: Zavarukhin V.P., Lisitsyn-Svetlanov A.G., Maksimov S.V. Decartelization of the economy: working model, alternative and combined approaches // Russian Competition Law and Economy. 2020. No. 4 (24). P. 6–13, <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2020-4-24-6-13>

The authors declare no conflict of interest.

Борьба с картелями относится к числу приоритетов российской антимонопольной политики на протяжении последних 30 лет, т. е., по сути, с момента создания первого антимонопольного органа — Государственного комитета РСФСР по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур³.

² The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-010-00773).

³ См.: Постановление Совета Министров РСФСР от 10.09.1990 № 344 «Вопросы Государственного комитета РСФСР по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур» (вместе с «Временным положением о Государственном комитете РСФСР по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур») // СП РСФСР. 1991. № 2. Ст. 12.

В течение этого периода интенсивность борьбы картелями нарастала, достигнув своего пика к 2017 г., когда впервые в новейшей истории страны предотвращение картельных сговоров было включено в число основных задач Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. (п. 16)⁴.

Государственная политика борьбы с картелями, пройдя несколько этапов развития, каждый из которых был связан с существенными изменениями антимонопольного, административного, уголовного и уголовно-процессуального законодательства, сегодня сконцентрирована на пресечении и применении мер ответственности за наиболее опасные, нередко виртуальные, формы картелей [1].

В соответствии с ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции)⁵ к *картелям* относятся *соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами*, т. е. между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или (с 2015 г.)⁶ между хозяйствующими субъектами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке, если такие соглашения приводят или могут привести к одному или нескольким из перечисленных ниже последствий: 1) установление или поддержание цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок; 2) повышение, снижение или поддержание цен на торгах; 3) раздел товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков); 4) сокращение или прекращение производства товаров; 5) заключение договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками)⁷.

В зависимости от характера последствий (наступившие или вероятные) и их размера (применительно к наступившим последствиям), выраженного величиной (суммой) незаконно полученного дохода или причиненного ущерба, выраженных в рублях, действующее законодательство России предусматривает административную (ст. 14.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях — КоАП РФ) или уголовную ответственность (ст. 178 УК РФ).

Нужно также отметить, что картельный сговор ограничивает конкуренцию и нивелирует возможность формирования конкурентной среды, поскольку честная и прозрачная конкуренция, создающая высокие предпринимательские риски, участникам рынка зачастую просто невыгодна.

Среди перечисленных выше форм картелей, различия между которыми определяются реальными или вероятными последствиями и их тяжестью, правоприменительная практика закономерно выделила картельные соглашения, заключаемые участниками государственных, муниципальных и иных публичных закупок — так называемые *картели на торгах*.

Выявленные ФАС России в 2017—2019 гг. картели в наибольшей степени были распространены в сфере конкурсных закупок строительных и ремонтных работ (16,8%), поставок лекарственных средств и медицинских изделий (11,8%), продуктов питания (7%), строительства, ремонта и обслуживания дорог (6%), пассажирских перевозок (4,2%), предоставления услуг ЖКХ (2,5%), охранных услуг (1,5%). Если в 2017 г. на эти сферы приходилось немногим более трети всех рассмотренных антимонопольными органами дел об административно наказуемых картелях, то в 2019 г. их доля достигла 52% [2].

Определяющее влияние на рост числа выявляемых ФАС России признаков картельных соглашений на торгах оказали два обстоятельства: 1) закупки для нужд государства и муниципальных образований стали (несмотря на все их недостатки) одним из основных и наиболее надежных ресурсов для развития для значительной части бизнеса (уже в 2016 г. объем госзаказа, включая закупки госкорпораций, достиг 30 трлн руб., или 25% ВВП) [3]; 2) чрезвычайно сложные процедуры торгов стали эффективным прикрытием множества мошеннических схем для организованного хищения бюджетных средств и средств госкомпаний, взяточничества и коммерческого подкупа [4, с. 81].

В этой связи интенсивный многоуровневый контроль за торгами со стороны антимонопольных органов, Федерального казначейства, Счетной палаты России и ведомств-заказчиков, позволяющий быстро выявлять признаки искусственного регулирования цен на торгах, «высветил» верхушку огромного «айсберга» всевозможных злоупотреблений в сфере публичных закупок, среди которых картель оказался далеко не самым опасным преступлением [5, с. 908]. Все чаще антимонопольные органы стали сталкиваться с феноменом псевдокартелей, когда признаки сговора между участниками торгов являются лишь частью картины общего сговора членов преступного сообщества, созданного и руководимого представителем госзаказчика с целью хищения бюджетных средств путем обманных действий на торгах (мошенничества). Цифровизация торгов предопределила и цифровизацию обмана, используемого картелями и псевдокартелями для хищения бюджетных средств [6].

⁴ См.: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Российская газета. 2017. 15 мая.

⁵ См.: СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

⁶ См.: Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "О защите конкуренции" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 05.10.2015 № 275-ФЗ // СЗ РФ. 12.10.2015. № 41 (ч. I). Ст. 5629.

⁷ Федеральный закон от 06.12.2011 № 401-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О защите конкуренции" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 12.12.2011. № 50. Ст. 7343.

Согласно оценке антимонопольного органа суммарный ущерб для экономики страны от картелей, среди которых абсолютно преобладают картели на торгах, составляет около 2% ВВП [7] (ВВП России в 2019 г. составлял более 110 трлн руб.) [8].

Таким образом, несмотря на предпринимаемые разносторонние, в том числе комплексные, меры борьбы с картелями, сегодня имеет место масштабная картелизация российской экономики, у которой, впрочем, есть эмпирически установленная специфика. Ключом к ее пониманию является то, что типичным реальным (неформальным) участником картеля на торгах является должностное лицо государственного или иного публичного заказчика.

Статус такого участника картельного соглашения является неформальным, потому что картель, согласно определению, содержащемуся в ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции, — это соглашение между хозяйствующими субъектами. Однако такое соглашение без участия должностного лица (организованной группы должностных и недолжностных лиц публичного заказчика), которое, по сути, назначает начальную максимальную цену торгов и предельные размеры выгоды каждого участника картеля (или псевдокартеля), практически становится невозможным или бессмысленным.

Таким образом, картель на торгах с латентным участием должностного лица — это «сговор в сговоре», т. е. часть более сложного и более опасного с точки зрения уголовного закона преступления, каковым является создание организованных групп (нередко преступных сообществ) с целью мошеннического обращения бюджетных средств в крупных и особо крупных размерах в пользу участников такой группы (или сообщества) путем имитации легальных открытых торгов.

Из этого следует, что решение проблемы декартелизации российской экономики, даже если искусственно ограничить ее рамки вопросами декартелизации торгов, далеко выходит за пределы совершенствования мер юридической ответственности за картели.

Детерминанты картелизации торгов (в том смысле, из которого исходит антимонопольный регулятор) не могут быть устранены или существенно ограничены без устранения факторов, провоцирующих общий сговор, направленный на хищение бюджетных средств, или благоприятствующих такому сговору. Круг причин и условий, способствующих хищениям бюджетных средств с использованием недостатков механизма государственных и муниципальных закупок значительно шире и глубже этиологии картельных соглашений на торгах. К числу первых, в частности, относится неустраимая страсть человека к наживе (корысть), которую в реальности удастся лишь уменьшать с помощью религии, правильного семейного и школьного воспитания [9] или ограничивать в реализации посредством тотального социального и технического контроля.

В этой связи нет ничего удивительного в том, что, несмотря на активные усилия со стороны государства и, прежде всего, со стороны антимонопольного регулятора (начиная с 2004 г. принято 4 пакета антимонопольного законодательства, включая усиление мер административной и уголовной ответственности за картели), не удалось обеспечить декартелизацию российской экономики, в том числе такого ее сектора, как публичные торги [5, с. 909]. Даже принятие в 2019 г. Правительством России специальной Межведомственной программы мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений пока не принесло устойчивых позитивных результатов⁸.

Добиться существенных результатов в борьбе с картелями не является возможным без применения комплексного экономического анализа рынков, базирующегося на многофакторном экономическом моделировании и учете сложившейся бизнес-практики.

В условиях современных реалий политика декартелизации российской экономики, на наш взгляд, должна быть направлена на решение двух взаимосвязанных проблем.

Первая: устранение и минимизация причин картелизации сложившихся хозяйственных отношений.

Вторая: создание условий экономической невыгодности картельных проектов.

Решение этих проблем соответствует общему тренду антимонопольной политики, сформированному во многом благодаря усилиям антимонопольного регулятора [10].

Основным признаком любого картеля является наличие соглашения между хозяйствующими субъектами. С формально-правовой точки зрения, учитывая положения ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), применительно к частно-правовым отношениям действует принцип свободы договоров, кроме случаев, «когда условие предписано законом или иным правовым актом». Принцип свободы договора, как общая норма гражданского права, ограничен требованием не нарушать права третьих лиц. ГК РФ также содержит положения, определяющие условия заключения сделок, требования соблюдения их существенных условий и формы. Применение антимонопольного регулирования к картельным соглашениям и признание их противоправными по существу опирается на установление факта нарушения общественного интереса, связанного с рыночными отношениями, основанными на конкуренции ценообразования, условий продаж, использования интеллектуальной собственности, объемов производства и условий сбыта продукции.

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 17.06.2019 № 1314-р «Межведомственная программа мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2019—2023 годы» // СЗ РФ. 01.07.2019. № 26. Ст. 3475.

Помимо заключения указанных соглашений в деловой практике известны случаи, когда коммерческие структуры действуют согласованно без формальных договоров в собственных интересах, но в ущерб интересам других участников рынка и (или) потребителя. В данном случае следует говорить о латентной картельной практике, основанной на *конклюдентных действиях*. В цивилистике, в особенности в международном частном праве, институт конклюдентных действий, как основание возникновения договорных отношений, имеет давнюю историю. Использование данного института антимонопольным регулятором требует особых подходов к сбору доказательств, которые могут быть представлены и приняты судом в качестве надлежащих.

Анализ многообразной практики участия хозяйствующих субъектов в госзакупках показывает, что не только должностные лица органов государственной власти могут быть инициаторами сговора между участниками торгов, но и бенефициары, собственники и лица, выполняющие управленческие функции в организациях — участниках торгов, совершающие конклюдентные действия, могут инициировать коррупционные соглашения с должностными лицами организатора торгов для того, чтобы придать своим действиям видимость легитимности.

В обоих случаях усилия государства, прежде всего, должны быть направлены на совершенствование государственного управления [11, с. 3], обеспечение незаинтересованности должностных лиц госзаказчиков в победе конкретных хозяйствующих субъектов, на устранение или, по меньшей мере, минимизацию любых факторов, провоцирующих общение между госзаказчиком и потенциальным победителем. Такая минимизация возможна, если государственные торги будут полностью автоматизированы [12].

Широкое толкование понятия «соглашение» применительно к практике декартелизации рынков должно иметь разумные, прагматичные пределы. Исторический опыт показывает, что на определенных этапах развития рынка как в Российской империи, так и за рубежом монополистические объединения дали существенный импульс для развития экономики [5, с. 905]. При этом, разумеется, речь не идет о сговорах с представителями госзаказчика на торгах.

Российские рыночные отношения и конкуренция на рынке относительно молоды. Их особенность состоит в том, что они не стали результатом эволюционного развития, объективно растянутым во времени, а были «революционно» легализованы в ст. 8 и 34 Конституции Российской Федерации 1993 г. Этому предшествовал длительный период отечественной антирыночной экономики и идеологии. При этих обстоятельствах вопрос о недопустимости или допустимости соглашений, касающихся основных сфер рыночных отношений, с точки зрения достижения позитивных результатов развития рынка

следует решать в контексте актуальных проблем современной экономики и повышения ее эффективности.

В этой связи особо следует выделить *три задачи*: 1) задачу построения инновационной цифровой экономики; 2) задачу преодоления общего экономического кризиса, усиленного пандемией коронавируса COVID-19; 3) задачу соблюдения баланса между объективно сложившимися транснациональными экономическими связями и протекционизмом национальных юрисдикций.

Инновационное развитие, в основе которого лежат отношения, связанные с интеллектуальной собственностью, по своей сути предполагает наличие соглашений, базирующихся на признании, во-первых, исключительных прав и, во-вторых, на легитимной согласованности действий на рынках обладателя исключительных прав и лиц, которым предоставляются права на производство, продажу и рекламу производимой инновационной продукции. Для традиционного подхода к квалификации подобных соглашений как картельных эти два признака вполне могут быть взяты за основу. Однако именно они являются одним из краеугольных камней инновационных отношений, особенно в сфере международных экономических отношений, т. е. могут рассматриваться в качестве обычной деловой практики. Это объективное противоречие требует особого подхода к изучению картельной практики и мер по декартелизации при коммерческом обороте объектов интеллектуальной собственности с учетом национальных интересов России.

Подходы к декартелизации экономики следует рассматривать с учетом того, что недобросовестная конкуренция в современных условиях не ограничивается отдельным изолированным рынком, в частности российским, или региональным, например, рынком (рынками) ЕАЭС. Конкуренция, как и практика нарушения ее правил, установленных законом и (или) международным договором, имеют транснациональный характер. Возникающие проблемы следует решать не только через международно-правовые средства и меры внешнеполитического регулирования, но и посредством корректировки внутриэкономической политики, связанной в том числе и с проблемами декартелизации.

Важно учитывать, что большинство российских предприятий, не относящихся к энергетической и сырьевой отраслям, по своим возможностям значительно слабее давно сформировавшихся зарубежных транснациональных структур.

Этот дисбаланс возможностей можно обнаружить в различных областях, в частности в фармацевтической промышленности, где «встающие на ноги» отечественные фармацевтические компании вынуждены конкурировать на российском рынке с давно структурированными и имеющими огромный «запас прочности» транснациональными компаниями. В данном случае в интересах развития отечественной фармацевтики объединение усилий российских компаний заслужива-

ет поощрения, а не запрещения для поддержания формально справедливой конкуренции с теми, кто заведомо обладает существенно большими экономическими и неэкономическими возможностями. За рубежом известны примеры государственной поддержки соглашений компаний, действующих в национальных интересах. В числе последних — совместные исследования фармацевтических компаний Pfizer и BioNtech по разработке вакцины против COVID-19.

В этой связи к числу мер по декартелизации следует отнести и меры протекционистского характера по отношению к отечественным компаниям с учетом того, что локализация зарубежного бизнеса не является достаточным условием для его признания национально ориентированным.

Также следует учитывать, что современная практика международных экономических отношений отягощена протекционистскими барьерами. В зарубежной практике (в том числе стран Запада) они в определенной степени дезавуировали основные принципы добросовестной конкуренции на мировом рынке. При модернизации отечественной антикартельной практики важно найти баланс между поддержкой отечественных компаний в целях противодействия доминированию на российском рынке транснациональных компаний — с одной стороны, и применением эффективных мер против картелей, инициированных зарубежными компаниями или их бенефициарами — с другой стороны.

Для решения данной проблемы важно обеспечить постоянный оперативный мониторинг, который помимо анализа и оценки существующего положения дел включает также прогноз, причем не только реальной экономической ситуации (которая не ограничивается рамками статистически учитываемой), но и складывающейся правоприменительной практики. Без этого эффективное решение задач по демополизации и декартелизации экономики вряд ли возможно.

Очевидно, что коммерческие отношения и их организационно-правовые формы всегда опережают законотворческий процесс. Исключение составляют разве что революции, когда идеи нового политического и экономического устройства императивно привносятся в общество, нередко намного опережая реальную экономическую жизнь.

В политически стабильных государствах законотворческий процесс объективно связан с открытыми парламентскими дискуссиями и выработкой решений, отвечающих чаще всего на те вызовы, которые складываются или уже сложились в предпринимательской среде. При этом законодатель заинтересован в вовлечении в эти дискуссии экспертов, представляющих разные точки зрения на одну и ту же проблему, и способы ее разрешения, а не только экспертов, поддерживающих заранее принятое и не обязательно отвечающее общенациональным интересам решение.

Более того, принимая во внимание объективную необходимость для развитой национальной экономики быть интегрированной в мирохозяйственные связи, регулирование, противодействующее недобросовестной конкуренции, также должно учитывать складывающуюся региональную и мировую практику, а в ряде случаев строиться на международно-правовой основе, что предполагает непростой путь заключения международных договоров.

Таким образом, реальная практика показывает, что для адекватного противодействия картелям недостаточно использовать детальную регламентацию, содержащуюся в федеральном законе. Для этой цели не менее, а, как правило, более важным является совершенствование судебной практики и достаточность полномочий регулятора по предупреждению, выявлению и пресечению картельных практик любого уровня общественной вредности.

Самостоятельную проблему представляет декартелизация экономических отношений, часть которых существует в киберпространстве, где принципы правовой оценки картельных практик определяются их транснациональным характером. Ограничения конкуренции современными цифровыми картелями может осуществляться за счет использования неценовых факторов, к числу которых принадлежат сетевые эффекты, механизмы анализа больших данных, а также за счет сговоров на торгах посредством алгоритмов, использующих «большие данные» (цифровые роботы, искусственный интеллект). Применяемая сегодня модель анализа состояния конкуренции на товарных рынках и традиционные подходы к определению степени злоупотребления доминирующим положением, оценка экономического и общественного вреда и пользы от слияний, картельных союзов, согласованных действий и экономической координации новых цифровых монополистов уже не могут использоваться в деятельности антимонопольного регулятора. Определение границ товарных рынков в условиях глобализации теряет практический смысл. По существу, отсутствует также и методика оценки экономической эффективности проводимых антикартельных мероприятий в новых условиях.

В настоящее время успешность решения этих задач определяется не только техническими и технологическими возможностями для отслеживания поведения хозяйствующих субъектов на многообразных торговых площадках, но и адекватностью этой задаче договорно-правовой и национальных правовых баз, а также технических регламентов, носящих на начальной стадии применения регуляторный характер на основе принципа добровольности.

Современное состояние международно-правового регулирования в рассматриваемой сфере, включая договоренности о едином понимании картеля и связанных с ним иных антиконкурентных соглашений и согласован-

ных действий, доминирования, в том числе так называемого коллективного доминирования [14], на сегодня нельзя назвать удовлетворительным.

Возможность заключения универсального международного договора антикартельной или антимонопольной направленности с соблюдением требований Венской конвенции о праве международных договоров» 1969 г.⁹, его подписание и дальнейшая ратификация абсолютным большинством стран представляется на сегодня маловероятной. Более перспективной может быть работа по формированию Комиссией ООН по праву международной торговли (United Nations Commission on International Trade Law — UNCITRAL) типового закона соответствующего содержания, который относится к форме «мягкого права», а также по разработке аналогичного модельного закона ЕАЭС [15, с. 40].

Основные выводы

1. Несмотря на то что борьба с картелями относится к числу приоритетов российской антимонопольной политики на протяжении последних 30 лет, остановить рост картелизации экономики, включая сектор публичных закупок, не удалось.

2. Интенсивный контроль за торгами со стороны антимонопольных органов позволил не только выявить масштабную практику искусственного регулирования цен на торгах и использованием картельных схем, но и обнаружить ряд системных организованных злоупотреблений в сфере публичных закупок, среди которых картель оказался далеко не самым опасным преступлением. Типичными неформальными участниками картелей и организаторами псевдокартелей на торгах обычно выступают должностные лица государственных и иных публичных заказчиков, действиям которых далеко не всегда дается полная правовая оценка.

3. Вопросы недопустимости или допустимости соглашений хозяйствующих субъектов, касающихся основных сфер рыночных отношений, с точки зрения достижения позитивных результатов развития рынка, должны решаться в контексте решения задач построения инновационной цифровой экономики; преодоления общего экономического кризиса, усиленного пандемией коронавируса COVID-19; соблюдения баланса между объективно сложившимися транснациональными экономическими связями и протекционизмом национальных юрисдикций.

4. Модернизация государственной политики декартелизации должна осуществляться с учетом того, что большинство российских предприятий, не относящихся к энергетической и сырьевой отраслям, по своим экономическим и неэкономическим возможностям значи-

тельно уступает давно сформировавшимся зарубежным транснациональным структурам, что диктует необходимость включения в число мер по декартелизации экономики особых мер протекционистского характера по отношению к отечественным компаниям.

5. Наиболее перспективным направлением формирования общих подходов к противодействию картелизации цифровой экономики, по мнению авторов, представляется инициирование разработки в рамках UNCITRAL (Комиссии ООН по праву международной торговли) типового закона соответствующего содержания, который относится к форме «мягкого права», а также аналогичного модельного закона СНГ и ЕАЭС. ■

Литература [References]

1. Галимханова Н. Ф., Тенишев А. П., Хамуков М. А., Семенова Е. В. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / Под науч. ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 311 с. [Galimkhanova N.F., Tenishev A.P., Khamukov M.A., Semyonova E.V. Antimonopoly regulation in the digital age. How to protect competition in the context of globalization and the fourth industrial noah revolution/Under scientific. ed. A.Yu. Tsarikovsky, A.Yu. Ivanova, E.A. Voinikanis. M.: Ed. Supreme House School of Economics, 2018. 311 p. (In Russ.)] DOI: 10.17323/978-5-7598-1750-5
2. Число картельных дел со сговором с чиновниками, возбужденных ФАС, в 2018 году выросло на 47% // <https://fas.gov.ru/publications/17484> (Дата обращения: 25.11.2020). [The number of cartel cases with collusion with officials, excited FAS, in 2018 increased by 47% // <https://fas.gov.ru/publications/17484> (Circulation date nia: 25.11.2020)]
3. ФАС: объем госзакупок достиг 25% ВВП // <https://fas.gov.ru/publications/1525>. (Дата обращения: 24.11.2020). [FAS: public procurement reached 25% of GDP//<https://fas.gov.ru/publications/1525>. (Case Date: 24.11.2020)]
4. Аснис А. Я. Новеллы УК РФ об ответственности за злоупотребления при выполнении государственного оборонного заказа: проблемы толкования и применения // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5. № 3 (16). С. 80—92. [Asnis A.Ya. Novels of the Criminal Code of the RF on Liability for Abuses in the Performance of the State Defense Order: Problems of Interpretation and Application // Russian journal of legal studies. 2018. Vol. 5. No 3. P. 80—92 (In Russ.)]
5. Лисицын-Светланов А. Г., Башлаков-Николаев И. В., Заварухин В. П., Максимов С. В. Картелизация российской экономики: основные причины, послед-

⁹ Венская конвенция о праве международных договоров (принята 23 мая 1969 г.) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (Дата обращения: 25.11.2020).

- ствия и пути их устранения // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 10. С. 903—913. [Lisitsyn-Svetlanov A. G., Bashlakov-Nikolaev I. V., Zavarukhin V. P., Maksimov S. V. Cartelization of the Russian economy: main causes, consequences and ways to eliminate them // Bulletin of the Russian Academy of Sciences 2020. Vol. 90. № 10. P. 903—913 (In Russ.)] DOI: 10.31857/S0869587320100072.
6. Результаты работы ФАС России по противодействию картелям и иным антиконкурентным соглашениям в 2019 году. М., 2020. С. 4. // <https://fas.gov.ru/p/presentations/585> (Дата обращения: 24.11.2020). [Results of the FAS Russia work on counteraction cartels and other anticompetitive agreements pits in 2019. M., 2020. C. 4. // <https://fas.gov.ru/p/presentations/585> (Case date: 24.11.2020)]
 7. ФАС: признаки медицинских картелей выявлены при проведении десятков тысяч аукционов // <https://gmpnews.ru/2018/07/fas-priznaki-meditsinskix-kartelej-vyyavleny-pri-provedenii-desyatkov-tysyach-aukcionov/> (Дата обращения: 25.11.2020). [FAS: signs of medical cartels revealed for tens of thousands of auctions// <https://gmpnews.ru/2018/07/fas-priznaki-meditsinskix-kartelej-vyyavleny-pri-provedenii-desyatkov-tysyachaukcionov/> (Case date: 25.11.2020)]
 8. Росстат представляет вторую оценку ВВП за 2019 год // Официальный сайт Росстата (<https://www.gks.ru/folder/313/document/81201>). (Дата обращения: 25.11.2020). [Rosstat presents the second GDP estimate for 2019//Official website of Rosstat (<https://www.gks.ru/folder/313/document/81201>). (Case date: 25.11.2020)]
 9. Соколов Я. В., Колесов Д.В. и др. Граждановедение: Ответственность за правонарушения: 7 кл.: Учеб. пособие для учащихся, их родителей и учителей / Я. В. Соколов, Д. В. Колесов и др. 10-е изд., стер. М.: Гражданин, 2004. 190 с. [Sokolov Ya.V., Kolesov D.V. and others.Civic studies: Responsibility for offenses: 7th ed.: Textbook. manual for pupils, their parents and teachers / Yakov. V. Sokolov, Dmitriy V . Kolesov et al. 10th ed., erased. Moscow: Grazhdanin, 2004. 190 p. (In Russ.)]
 10. Артемьев И. Ю. Конкурентная политика России: новые вызовы и приоритеты // Российское конкурентное право и экономика. 2018. № 3 (15). С. 6—15. [Artemyev I.Yu. Russian competition policy: new challenges and priorities // Russian Competition Law and Economy. 2018. No. 3 (15). P. 6—15 (In Russ.)]
 11. Лисицын-Светланов А. Г. О тенденциях развития корпоративного регулирования в Российской Федерации и за рубежом // Правовой энергетический форум. 2020. № 3. С. 4—10. [Lisitsyn-Svetlanov A. G. On development trends of corporate regulation in the russian federation and abroad // Legal energy forum. 2020. № 3. P. 4—10 (In Russ.)] DOI: 10.18572/2312-4350-2020-3-4-10
 12. ФАС рассчитывает в перспективе на полную автоматизацию госзакупок // <https://prozakupki.interfax.ru/articles/1073>. (Дата обращения: 25.11.2020). [FAS expects in the future to fully automate public procurement// <https://prozakupki.interfax.ru/articles/1073>. (Case date: 25.11.2020)]
 13. Башлаков-Николаев И. В. Коллективное и многосубъектное доминирование на рынке: проблемы законодательства правоприменения // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5. № 3 (16). С. 134—145. [Bashlakov-Nikolaev I. V. Collective and Multi-Subject Dominance in the Market: Problems of Legislation and Law Enforcement // Russian journal of legal studies. 2018. No 3 (16). P. 134—145 (In Russ.)]
 14. Максимов С. В. О перспективах принятия Конвенции Евразийского экономического союза о борьбе с картелями // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 9. С. 38—41. [Maksimov S. V. Prospects for adoption of anti-cartel convention of the eurasian economic union. Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)). 2017. № 9. P. 38—41. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.37.9.038-041>

Сведения об авторах

Заварухин Владимир Петрович: кандидат экономических наук, директор Института проблем развития науки РАН
E-mail: vzavarukhin@gmail.com

Лисицын-Светланов Андрей Геннадьевич: академик РАН, главный научный сотрудник Института государства и права РАН
E-mail: svetlanov@yust.ru

Максимов Сергей Васильевич: доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем развития науки РАН, помощник руководителя ФАС России
E-mail: sergeymax2006@yandex.ru